

Валерия
Иванова

Я НИКОГДА НЕ ПЛÁЧУ НА ВОКЗАЛАХ

13 ДЕКАБРЯ

Зима... Тринадцать – чертово число,
За окнами – морозный звонкий вечер,
Узорами расписано стекло,
И в каплях воска – тающие свечи.

Всего лишь ночь до рокового дня,
Огонь в камине жарок и неистов,
А те, что собрались вокруг огня –
Они сейчас еще не декабристы.

Здесь все равны – поэт и генерал,
Улан, артиллерист и лейб-гвардеец...
Еще никто в петле не умирал
В отчаянье, на милость не надеясь.

Здесь тесный круг, где все давно на «ты»,
И легкое вино в крови бунтует...
Еще никто не видывал Читы,
Не тосковал на гиблом Акатуе.

Как славно у камина в декабре,
И как тонки французские остроты,
И под картечь в упрямое каре
Еще на площадь не выводят роты.

И лишь промерив кандалами даль,
Они поймут, пройдя сквозь пол-России,
Что там, где правят Бог и Государь,
Вольтер с Дидро – наставники плохие,

Что свет Христов сияет на земле,
Где выпала им честь на свет родиться,
И тот, чей брат окончил жизнь в петле,
До смерти будет в этот день молиться.

Раскаянье и чуткая печаль
В сердцах у них останутся навеки,
И Пушкин, умирая, скажет: «Жаль!» –
Смежая тяжелеющие веки.

* * *

Всей станицей казаки гуляли –
Именины сотник отмечал.
Для соседки, жалмерки Натальи,
Сам хозяин щедро наливал.

С третьей стопки гостя захмелела,
Оперлась щекою на ладонь...
«Что ж, Наталья, ты еще не спела? –
Твоего ждет голоса гармонь».

«Где ж ее найти, такую песню,
Чтобы душу выплакать мою?
И, хоть наших песен нет чудесней,
Извиняй, хозяин, не спою.

Улетел мой сокол в чисто поле,
Укатился с пальца перстенок.
Я дождусь – такая бабья доля,
Только бы Господь его сберег.

Я его полгода не видала...
Вы, наверно, скажете в ответ,
Что полгода – это слишком мало,
Ждут казачки и по двадцать лет.

И не всем случается вернуться,
И подумать страшно, что сейчас
Может, где-то вороны дерутся
Из-за серых ненаглядных глаз.

Не уйти от думы окаянной,
Как ни плачь и сколько ни молись.
Милый мой, единственный, желанный,
Горицвет мой, сокол мой, вернись!

Как люблю, как помню и тоскую –
Все равно сказать вам не смогу,
Где же песню отыскать такую
На донском привольном берегу?

От рубахи будет пахнуть солью,
Пылью и травой степных дорог..
Я дождусь – такая бабья доля,
Только бы Господь его сберег!»

АДМИРАЛ (А. В. Колчаку)

Его звезда, от которой веяло
горькой полынью.

В. Максимов

Над Омском вещей птицей кружит осень,
Срывая листья первые с ветвей,
Да ветер налетающий приносит
Полынный запах стынущих степей.

Трещат поленья в старенькой печи,
На картах стрелы спутаны и сложны.
Смерть далека, предательство молчит.
О чем же Вы задумались тревожно?

Что ж, Адмирал, к окну Вы подошли?
Там шелестят кленовые аллеи,
Там темнота и запахи земли,
Лишь на востоке небо чуть светлеет.

Звон тишины не скажет, что войной
Чудовищной измучена Россия,
Что небо нависает веком Вия
Над грешной, окровавленной страной.

Наверное, привычно хмурия брови,
Вы в этот час подумали о том,
Что реки, озаренные огнем,
Горьки от гари, солонны от крови.

И значит, правду предрекли тогда
Грозящей книгой древние пророки:
«И пала с высоты полынь-звезда,
И стала страшной горечью вода,
И кровью рек наполнились истоки...»

Все решено, и сокрушаться поздно, —
Строга ты и горька, звезда-полынь.
Иль, не успев упасть, сгорают звезды,
Роняя пепел в утреннюю синь?

И от погасших жизней в стылой мгле, —
Сгоревших звезд мертвящий горький пепел, —
Останутся на выжженной земле
Полынные серебряные степи.

* * *

Я столько проводила, потеряла —
Друзей, знакомых, близких и родных.
Я никогда не плачу на вокзалах,
Хотя разлука — как удар под дых,

Хотя всегда при этом обещаю,
Что в следующий распроклятый раз
Не отпущу. Завою. Зарыдаю,
Да так, чтоб тушь ручьем катилась с глаз,

Чтоб сердце превратилось в липкий ком,
Чтоб предлагали валидол старушки,
Чтоб отпить не чаяли потом
В вонючей станционной комнатухе...

...Перекрещу недрогнувшей рукой
И улыбнусь, во что бы то ни стало.
Счастливо, друг! Ну что ты, Бог с тобой —
Я никогда не плачу на вокзалах.

ПАРИЖСКОЕ КЛАДБИЩЕ

На старинном кладбище Парижа
Влажный мох растет из-под камней,
Сквозь листву каштанов солнце брызжет
На песок ухоженных аллей.

Поправляет треснувшие доски
Сгорбленный садовник-инвалид.
Марковский, Корниловский, Дроздовский —
Что ни полк, то строй могильных плит.

Нам с тобою, друг, лишь запах тленья
Да чужой неласковой земли.

Помнишь, мы тогда, при отступлень,
В церковь опустевшую зашли?

Со стены, местами обгорелой,
Глянул строгий византийский лик.
Там одна лишь роспись уцелела –
Светлый Михаил Архистратиг.

Мы с тобой сквозь стиснутые зубы
Поклялись, что если в страшный час
Позовут архангельские трубы –
Мы вернемся! Помните о нас!

Увели потом чужие страны
От родных лесов да синих рек,
Из корней французского каштана
Видно, нам не вырваться вовек...

Только ночью слышал я, как трижды,
Яростна и, может быть, груба,
Над неожиданно стихнувшим Парижем
Прогремела грозная труба.

Где-то там, в бескрайней звездной сини,
Вновь играют нам с тобой в поход.
Слышишь ли? Вставай! Идем в Россию –
Видно, нас она и мертвых ждет.

* * *

Знаешь, наверно, когда мы расстанемся,
Каждую мелочь ты вспомнишь как таинство –

Все, что казалось единственно правильным –
Низенький домик на тихой окраине,

Серый рассвет за прикрытыми ставнями,
Кошку у ног, свиристелей на яблоне...

В миг расставания все переменится –
Горько вздохнет домовой за поленницей,

Ветер порошу закружит по улице,
Ангел на старой иконе нахмурится.

Знаешь, наверно, когда мы расстанемся,
Дал бы Господь нам ни в чем не раскаяться!

АМЕРИКАНСКОМУ ПСИХОЛОГУ

Под ветром бьется, трепетно шурша,
Небрежно закрепленная афиша:
«Мисс Кора Джонс. Психолог. США».
Наш дом культуры предоставил крышу.

Вот Вы на сцене – вежливы, умны,
Одетая недешево, но просто,
Подтянуты, улыбочивы, стройны.
Вам лет... От сорока до девяноста.

Вам все известно – как себя вести,
Какой наряд для важной встречи нужен,
Что есть и пить и, Господи прости,
Как правильно скандал устроить мужу.

По Фрейдю разложить несложно Вам
Любые чувства, мысли и желанья,
Мечту о счастье и доверье снам...
Поистине, безмерны Ваши знания.

А знаете, как тает легкий снег
На теплых головешках пепелища?
Как смотрит из-под покрасневших век
Вокзальный гармонист, безногий нищий?

С какую мукой скорби и вины
Глядят в глаза голодному ребенку?
И как мужей полвека ждут с войны,
Однажды в печку бросив похоронку?

Да, жили мы в неласковой стране –
Не жалуясь, не прячась от ударов,
И не закрасить в ранней седине
Пыль всех дорог и пепел всех пожаров.

И в среднестатистической судьбе
За много лет скопилось столько боли...
Чтоб растерять уверенность в себе,
Пожалуй, Вам хватило б сотой доли.

Какой у Вас наставнический тон!
Вы не привыкли к пораженьям в спорах...
Как слушатель наивный восхищен!
Так почему же мне Вас жаль, мисс Кора?

ПОСВЯЩЕНИЕ О. Б. КРЮЧКОВУ

Полечу кукушкой по Дунаю...

«Слово о полку Игореве»

Подступает темнота,
 Щеки жжет подушка.
 Есть же старая мечта –
 Полететь кукушкой
 В город скучный и чужой
 Прямо от вокзала,
 Где тебя, любимый мой,
 Я не провожала.
 Вдаль – туда, где в черноту
 Врос фонарь разбитый,
 Где в ночную темноту
 Форточка открыта,
 Где сидишь ты за столом –
 Может, снова пьяный,
 Да кукушкиным крылом
 Не разбить стакана.

Где-то петухи поют –
 Возвращаться надо.
 На прощанье твой приют
 Я окину взглядом:
 Шкафа черное нутро,
 Чай в облезлой кружке...

Утром серое перо
 Ты страхнешь с подушки.

1997

* * *

Сенен артык жан жоқ деп
 ғашық болдым,
 Мен не болсам болайын,
 сен аман бол.
Абай

Вот почему-то вспомнился тот год,
 Когда переводила я Абая.
 Никак не получался перевод.
 И я недели две ходила злая.

«Ему ж за сорок было в те года,
 Соврал, что чувства, как у молодого!»

Вот мне за тридцать. Точно никогда
И никому я не скажу такого!»

Ведь знала же – он больше, чем поэт.
Ведь чуяла – не стоит нарываться!
А Кунанбаич ждал все десять лет,
Чтоб надо мною вволю посмеяться.

И вот пришло – ни охни, ни вздохни,
И всей надежды лишь на Божью милость.
Бессонны ночи и тоскливы дни,
Ну хоть перед Абаем извинилась.

И, проводив вечернюю зарю,
Смирившись и не думая о чуде,
Я снова как молитву повторю:
«Будь жив-здоров.
И будь со мной что будет».

СТАРОВЕРЫ

Был лишь свечою перед Богом
Горящий пустозерский сруб.
Мы затаили слишком много
В углах сурово сжатых губ.

Хранили древнее преданье
И верили, что в страшный год
Старинным непомерным знаньем
Оно потомков обожжет:

«Придет пора – пред темным Князем
падут народы и цари,
и рухнут в мерзости и грязи
поверженные алтари».

Мы твердо знали – мир не вечен,
А суд и близок, и суров.
И долго полыхали свечи
Лесных затерянных скитов.

Теперь вернуться нам непросто
Оттуда, где лесная тишь,
С таежных брошенных погостов,
С травой поросших пепелищ.

Но на пути у злобной силы,
Навстречу легионам Тьмы
В грядущей битве за Россию
С живыми рядом встанем мы.

И если вдруг устанут внуки
В последней из великих сеч –
Восставшие из пепла руки
Взамен живых поднимут меч.

* * *

Из-за гор показался застенчивый зимний рассвет,
Янтарем загорелся коньяк в недопитой бутылке...
Это надо же было влюбиться на старости лет,
Да еще в мужика с биографией хуже страшилки.

Я б сказала ему, если б только, конечно, могла:
«Ты, пожалуйста, мне постарайся хотя бы присниться!»
И добавила с грустью: «Нет, правда, ну что за дела –
Это несправедливо – мужчине такие ресницы!»

По весне на березы опять прилетят соловьи,
И очнувшийся сад на полгода забудет о снеге.
Мое сердце давно уже брошено в руки твои,
Словно роза с балкона в комедиях Лопе де Веги.

Я исчезну из жизни твоей, не оставив следа.
Ты забудешь мой голос и будешь встречаться с другими.
Только что же мне делать? Скажи, что мне делать, когда
Все синицы в округе весной заорут твое имя?»

А рассвет все смелее, и день впереди выходной...
Не сбежать на работу, и дома сидеть невозможно.
Почему это все приключилось сейчас и со мной –
Это ж надо: так глупо, так больно и так безнадежно...

* * *

Стишки на избитых рифмах –
ничего оригинального.
Но иногда по-другому не скажешь.

Израненный, но гордый зверь,
Пришедший к моему порогу,
Дороже жизни ты теперь.
И в этом грех мой перед Богом.

И не позволено мечтать,
Нечаянно встречаясь взглядом –
Все шрамы бы зацеловать:
«Забудь, забудь! Я здесь, я рядом!»

Я и во сне не позову,
Не вскину рук тебе на плечи.
Перетерплю. Переживу.
Перебудую. Время лечит.

Но не забыть – страшной всего,
И ночи будут все бессонней...
Биенье сердца твоего
Как мне теперь стяхнуть с ладони?

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Т. Петровой

Знала наша земля и войну, и нужду,
Путь России путем был воистину крестным.
Сквозь разруху и холод, огонь и беду
Это я говорю с вами – Русская песня!

Под татарской стрелой исходила на хрип,
Трепетала в церквах негасимою верой,
Я под звон кандалов
 и под весельный скрип
Белой чайкой вилась над турецкой галерой.

Был таежный рассвет неуверен и слаб,
И дрожали осины в предутренней хмари,
Сквозь завесу зеленую пихтовых лап
Улетала я дымом с раскольничьей гари.

И в гражданскую, прежде чем рухнуть с коня –
Комиссарская пуля пощады не знала –
Отпустил в вышину, словно птицу, меня
Эскадронный любимец, лихой запевала.

А теперь я, как видно, у вас не в чести –
Вспоминаете после второго стакана,
Только несколько строчек – не больше пяти
Выплывают на миг из хмельного тумана.

И за что ж вы со мною, родимые, так?
Неужели вам русскими стыдно назваться?

Что прикажете – снова в парижский кабак –
Экзотическим блюдом для кучки мерзавцев?

Не хочу в темноту чужеземных кулис,
В сумасшедший угар чужеземных созвучий.
Не пойду! С высоты лучше грянуться вниз,
Брызнуть алою кровью на камень горячий.

Вашей горькой надежды последняя весть...
Позовите: «Вернись!»

Попросите: «Воскресни!»

Что примолкли?

Я здесь.

Я пока еще здесь.

Это я говорю с вами – Русская Песня!

